

Цивилизация, нарисованная кайлом

Имя Ниала (Niall; ранее доминировал вариант «Найал»¹) Фергюсона сложно назвать неизвестным российскому читателю. К настоящему времени из написанных им 17 книг три самые известные переведены на русский язык: «Империя. Чем современный мир обязан Британии» (2013), «Восхождение денег. Финансовая история мира» (2014) и, наконец, «Цивилизация» (2011), о которой и пойдет речь ниже.

Но сначала — несколько слов об авторе рецензируемого текста. Наш журнал весьма однозначно отозвался об этом англо-американском историке еще пять лет назад² и, строго говоря, за это время ничего особенно не изменилось. Амбициозный профессор, работающий в Гарвардском университете и Гарвардской Бизнес-школе (с 2004 года; ранее были Кристс-колледж и Петехауз в Кембридже, Джезус-колледж в Оксфорде, Бизнес-школа Стерна в Нью-Йорке, Лондонская школа экономики и другие места, где Н. Фергюсон редко задерживался дольше двух-трех лет), в 2000 году вошедший в список 100 самых влиятельных людей мира по версии журнала «Тайм», в 2011-м стал редактором «Блумберг телевижн» и обозревателем «Ньюсуик» (ранее была «Санди телеграф», которую он покинул в 2007 году). Кроме того, в настоящее время он является вла-

Фергюсон Н. Цивилизация: чем Запад отличается от остального мира / пер. с англ. К. Бандуровского под ред. И. Кригера.
М.: АСТ: Corpus, 2014. — 544 с. [24 с. ил.]

АУРОВ Олег Валентинович — доцент РАНХиГС и РГГУ, кандидат исторических наук.

¹ См., например: **Межуев Б. В.** «Либеральная империя» Найла Фергюсона // Политическая наука. 2004. № 3.

² См. Свободная Мысль. 2009. № 1.

дельцем кинокомпании «Кимерика-медиа», в качестве советника по геополитике сотрудничает с инвестиционным фондом «Джи-эл-джи партнерс» (GLG Partners) и вообще активно занимается бизнесом, в том числе — консалтингом в сфере политики и экономики³.

Зарабатывать деньги — не грех; проблема лишь в том, что, если ты хочешь зарабатывать такие *большие* деньги, как Фергюсон, то надо сразу идти в банкиры или журналисты, а не заниматься преподаванием и изучением истории — что хорошо видно и на примере рецензируемой книги. В частности, на ее страницах, сетуя на недостатки современного исторического образования в Великобритании, Фергюсон, среди прочего, замечает: «Школьники и студенты изучают “модули”, а не исторический нарратив, тем более не хронологию. Их учат шаблонному анализу выдержек из документов, а не умению читать их много и быстро» (и т. п.) (С. 13). Однако, переходя от предисловия к основному тексту, очень скоро осознаешь, что автор столь обязывающего заявления и сам, мягко скажем, не без греха.

Начну с того, что библиография исследования (надо признать, не особенно обширная в сравнении с глобальностью предлагаемого синтеза — см. С. 457—496) свидетельствует о том, что Фергюсон превзошел даже собственные требования: он не читает документов *вообще* — ни оригинальных, ни опубликованных. Ни одного архивного фонда. Ни одного сборника опубликованных документальных материалов. Ни одного *источника* (в том смысле, в котором это понимают историки, то есть источника *первичной* информации) вообще. Весь библиографический список — сплошь одни работы других ученых. Это означает, что *ни один действительно новый* факт не выявлен. Следовательно, перед нами — не оригинальная работа, а *компиляция*.

Можно, конечно, было бы возразить, что синтез такого уровня, который проведен в книге, не предполагает возможности проверки *каждого* отдельного факта по первоисточникам, что «volens nolens» приходится опираться на данные, полученные предшественниками, и что Фергюсон приводит длинный ряд архивов, библиотек и музеев разных стран — от США до Сенегала, в которых он побывал для сбора материала (см. С. 23—24). Однако столь ли бесспорны подобны доводы? Ведь если следовать им, то получится, что историку сплошь и рядом придется верить исключительно на слово. Например, в том, что он действительно побывал в тех учреждениях, которые перечисляет, а не направил туда кого-либо из своих многочисленных ассистентов, которых сам же и перечисляет (см. С. 24—25). Что он способен разбираться в реалиях истории и культуры Китая (см. С. 57—90 и др.), не зная китайского, Японии (см. С. 299 и далее) — не зная японского, Турции — не зная турецкого (см. С. 95—104, 133—144 и др.). Да что там восточных: судя по примечаниям и библиографии, включающих лишь англоязычные тексты, в работе над своим исследованием Фергюсон не работал даже над литературой на широко распространенных европейских языках — типа французского, немецкого или испанского, что, впрочем, не мешает ему уверенно и безапелляционно рассуждать об истории и экономике Франции, Германии,

³ См.: www.niallferguson.com/site/FERG/Templates/General2.aspx?pageid=5; The Boston Globe. 04.05.2013. — www.bostonglobe.com/metro/2013/05/04/; Daily Mail. 21.02.2010. — www.dailymail.co.uk/news/article-1249095/

Испании, Латинской Америки и некоторых других европейских и неевропейских стран (см. С. 117—132, 149—156 и др.).

Но в таком случае чего стоят, например, всякого рода графики и таблицы, обильно присутствующие в книге (см. С. 36, 85, 130, 193, 209, 261, 356, 357, 405, 419, 421, 424)? Специалисты в области демографической и экономической статистики знают, сколь сложно получить четкие количественные данные по некоторым регионам и периодам даже применительно к XX веку, с его обилием статистических материалов и общепринятой метрической системой мер. Статистика — вещь далеко не безобидная, ни с экономической, ни с политической точек зрения, и «лукавая цифра» в этой сфере — не исключение, а скорее правило. Так что же говорить о периодах, применительно к которым сколь-нибудь полные статистические данные отсутствуют, конкретный источник не всегда ясен, а информация представлена цифровыми рядами, выраженными неметрическими мерами, эталоны которых различались не только от страны к стране, но и от района к району? А ведь есть эпохи, применительно к которым отсутствуют даже такие данные.

Вот, например, таблица «Будущие западные колониальные империи в 1500 г.» (см. С. 36); факт ее заимствования из работы кого-либо из предшественников Фергюсона не указан, а потому остается полагать, что она составлена самим автором. Но тогда каким образом он вычислил не только территорию, но и население, а особенно — ВВП этих стран? Здесь существуют разные методики, — но Фергюсона это не беспокоит: ему не до деталей. Что, впрочем, можно сказать и применительно к графику на странице 85, где соотношение ВВП Великобритании и Китая представлено начиная с... 1000 года. На этом фоне попытка четко определить расовый состав населения Нового Света аж с 1570 года уже не вызывает вопросов (см. С. 193), хотя у человека, хотя бы частично знакомого с реальной ситуацией даже в последнем случае остается масса вопросов типа: были ли переписаны все индейцы (даже в Амазонии) еще до того, как завершилась конкиста? Ведь последние города майя сдались завоевателям лишь в 1670-х годах, а в некоторые районы европейцы проникли еще позднее.

Разумеется, все высказанные замечания не означают, что количественное измерение мировой истории до конца XIX — начала XX столетия отсутствует полностью: данные (пусть даже крайне фрагментарные и локальные по охвату) существуют. Но специалистам хорошо известно, что они могут являться основой для осторожных наблюдений, а вовсе не для безапелляционных выводов того типа, которые предлагает своему читателю Фергюсон. Тем не менее британский историк уверенно отбрасывает такого рода сомнения в отвал и ниже сомняшися следует дальше: детали его не интересуют, он формулирует принципиально новое знание, он предлагает неизвестные ранее взгляды на известные вещи. И если бы это касалось только графиков и таблиц!

Ограничься автор лишь написанием сценариев для документальных телесериалов, такой подход был бы оправдан: пересказывать чужие точки зрения можно, и не прибегая к поиску новых фактов. Но когда ты претендуешь на пересмотр выводов, утвердившихся в науке задолго до тебя, этого явно недостаточно. Остается только одно: недрожащей рукой отсекай все то, что нарушает красоту и стройность концепции. Главное — не утонуть в океане неудоб-

ных фактов и каверзных вопросов, поставить которые способны лишь узкие специалисты. Последним же в качестве отступного можно предложить ни к чему не обязывающие «acknowledgements» — выражения признательности за сделанные «ценные замечания» (что Фергюсон и делает на страницах 25—26). Так что неудобная процедура академического обсуждения превратится в удачный маркетинговый ход: мою книгу обсуждали в Оксфорде! в Гарварде! в Гуверовском институте в Стэнфорде!.. Ведь детали этих собраний ученых мужей так и останутся неизвестными широкому читателю.

Исходя из этих принципов и формируется методология работы Фергюсона — настоящая, а не та, которую он излагает на страницах 13—23, ссылаясь на Р. Дж. Коллигвуда, с которым на деле не имеет ничего общего. Суть этой методологии можно было бы уподобить знаменитому принципу, приписываемому Микеланджело («беру кусок мрамора и отсекаю все лишнее»), если бы не одно *но*: в руках Фергюсона — не резец скульптора, а кайло каменотеса, которым он орудует столь энергично, что, как у нас говорят, «мало не покажется». Над каменоломней — пыль и грохот, огромные глыбы летят в обе стороны, и в них — не только «лишнее», но и все, что попадает под руку.

Приведу лишь несколько примеров, представляющихся наиболее показательными. Начну с того, что, обругав современную британскую школу за пренебрежительное отношение к хронологии (о чем уже говорилось выше), Фергюсон и сам, при ближайшем рассмотрении, оказывается не без греха. Например, так и остается неясным, почему изложение начинается с 1500 года? Был ли Запад «Западом» до этого времени или стал им лишь начиная с эпохи Раннего Нового времени? Как только читатель успевает утвердиться в этом последнем мнении, автор сбивает его с толку замечанием о том, что до «Запада», о котором идет речь, был и другой «Запад»: «западная цивилизация версия 1.0», то есть Римская империя (С. 49). Никакого объяснения читатель так и не получит, причем ближе к концу книги (см. С. 346—347) «Запад версии 1.0» вдруг неожиданно возникнет снова, для того чтобы дать Фергюсону возможность порассуждать о разрушении Рима готами и падении «западного господства» «версии 1.0». Как и всегда, британский историк уверенно разбирается в сути вопроса: «...экономический кризис, эпидемии; наплыв иммигрантов; возвышение на востоке конкурирующей империи — Персии; террор со стороны готов Алариха и гуннов Аттилы» (С. 347). Все неудобные вопросы — от лукавого. А потому так и остается неясным, например, почему те же готы не только сражались на стороне Рима против Аттилы, но и нанесли ему поражение в 451 году. Или почему, воздав хвалу классической концепции «кризиса и падения Римской империи» Э. Гиббона (см. С. 346—347), Фергюсон без всякого объяснения отбрасывает ее на странице 400: оказывается, что никакого «упадка» не было, все произошло мгновенно. Удар кайла — и в отвал!

Просто дух захватывает! Стоит ли тут удивляться, что в книге, посвященной «истории успеха» Запада, вы так и не найдете четкого определения того, что такое «Запад» и «западная цивилизация»? Ограничившись замечанием, что «Запад есть нечто гораздо большее, нежели географическое понятие: это стандарты, уклад и институты с крайне нечеткими границами» (С. 46), Фергюсон обещает вернуться к этому вопросу ниже (см. С. 47), — но так и не возвращается. В итоге «Западом», «западным» и «западной цивилизацией»

в каждом конкретном случае оказывается то, что в данный момент выгодно автору смелой концепции. Например, так и остается неясным, считает ли Фергюсон частью западной цивилизации Россию и СССР или нет? Сначала ответ оказывается вроде бы положительным, однако затем автор спотыкается об известное определение С. Хантингтона (см. С. 46). И снова то, что могло бы дать ответ на вопрос, оказывается в отвале.

И еще: о тех же «крайне нечетких границах». Приступая к чтению книги, посвященной истории западной цивилизации, читатель вправе ожидать хотя бы краткого рассуждения о том, что такое цивилизации «незападные». Прочитав страницу 44, он может подумать, что нашел ответ на этот, прямо скажем, невторостепенный вопрос. Фергюсон заявляет прямо: «...я хочу показать, что главными источниками могущества, отличающими Запад от остального мира, стали 6 групп уникальных институтов и связанных с ними идей»; вот эти идеи: (1) конкуренция; (2) наука; (3) имущественные права; (4) медицина; (5) общество потребления; (6) трудовая этика.

О том, что изложенное имеет ключевое значение для содержания книги, видно из структуры текста: его основная часть (без введения и заключения) подразделяется на шесть глав, каждая из которых посвящена одному из приведенных выше параметров. На этом, однако, определенность заканчивается. Дальше следуют одни вопросы. Почему взяты именно эти, а не какие-либо другие параметры? Были ли они свойственны западной цивилизации изначально? И если нет (как оно оказывается, по меньшей мере применительно к обществу потребления, первые признаки которого появились не ранее второй половины XIX века (см. С. 271—340)), то существует ли какая-либо взаимосвязь между ними? Могли ли перечисленные критерии и связанные с ними явления проявиться в незападных обществах независимо от западных?

Дальше — больше: почему в качестве объекта исследования использованы именно эти, а не другие сюжеты? Почему, например, проблема отсутствия конкуренции в незападных обществах рассматривается на примере Китая эпохи Мин, а не, скажем, Японии или Турции? Почему китайские сюжеты отсутствуют в главе, посвященной науке? И более того: почему Фергюсон рассматривает науку XVI—XVIII веков как значимый фактор экономического развития, хотя хорошо известно, что до середины XIX — начала XX столетия наука, техника и технологии практически не были связаны друг с другом? Ведь даже в этот период многие выдающиеся инновации, коренным образом изменившие жизнь людей, были созданы людьми, наукой не занимавшимися, учеными себя не считавшими и ставившими перед собой сугубо практические цели: именно таковы были изобретатель паровой машины Дж. Уатт, великий Т. А. Эдисон, изобретатель телеграфа и знаменитой азбуки С. Морзе, а изобретатели самолета братья У. и О. Райт вообще так и не закончили среднюю школу!

В конечном счете в потоке таких «неудобных» вопросов тонет вся «замечательная» авторская концепция. Она оказывается колоссом на глиняных ногах, стоящим на негодном фундаменте. Ни один факт, ни одно наблюдение (даже вполне правдоподобные внешне) не вызывают доверия. В общем, лучше не рисковать. А потому — воздержусь от дальнейших рассуждений. ◆